

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Завелось столованьице, почестен пир,
На многих князей, на бояров
И на сильных могучиих богатырей.
Много на пиру есть князей-бояр,
И сильных могучиих богатырей,
И много поляниц удалых.
Светлый день идет ко вечеру,
Почестен пир идет навеселе,
Красно солнышко катилось ко западу.
Все на пиру наедались,
Все на честном напивались,
Все на пиру сидят хвастают;
Иный хвастает золотой казной,
Иный хвастает молодой женой,
Иный хвалится своим добрым конем,
Иный хвалится своей силой богатырскою.
На том на честном пиру
Выставал удалый добрый молодец,
Старый Данила Игнатьевич,
Скидывал с буйной головы своей пухов колпак
И клонил голову князю Владимиру,
Сам говорит таково слово:
«Ай же ты, Владимир-князь стольно киевский!
Благослови меня во старцы постричься
И во схимию посхимиться».

Говорит ему Владимир-князь стольнокиевский:

«Ай же ты, старый Данила Игнатьевич!

Не благословлю тебя в старцы постричься

И во схимию посхимиться:

Как проведает все орды неверные

И все короли нечестивые,

Что на Руси богатыри во старцы постригаются,

Станут на нас они нахалиться».

Говорит ему старый Данила Игнатьевич:

«Ай же ты, Владимир-князь стольнокиевский!

Теперичу есть у меня молодой сын,

Молодой сын Михайла Данильевич,

Михайла Данильевич шести годов;

Ай докуль не проведает короли нечестивые,

Той поры будет девяти годов;

А докуль они снаряжаются,

Той поры будет двенадцати;

Так будет сильнее меня и могутнее».

И благословил его Владимир-князь

В старцы постричься и схимию посхимиться.

Еще прошло времени три года,

И наполнилось времени девять лет;

Докуда снаряжались цари и орды неверные,

Опять прошло времени три года,

И наполнилось всего времени двенадцать лет.

Тут собиралася сила несчетная и несметная

У того короля нечестивого:

Черну ворону в вешний день не облетать,
А серу волку в осенню ночь не обрыскати,
Пятьсот у него полканов-богатырей,
И четыре старосты думных,
И два палача немилосливых.
Кукуются воры и ликуются:
Они дубья рвут с кореньями,
И мечут высоко под облако,
И подхватывают взад единой рукой.
А сам, собака, похваляется
И на Киев-град вооружается:
Хочет Киев-град со щитом он взять,
А князей бояр всех повырубить,
Владимира-князя хочет под меч склонить, -
Под меч склонить и голову срубить,
А княгиню Апраксию хочет за себя он взять;
И хочет голову князя Владимира
Левою ногой своей попинывать,
А правой ручкой княгиню Апраксию
По белым грудям подрачивать.
Проведал Владимир-князь стольнокиевский,
Собирал он в Киеве почестен пир.
И много на пиру князей еобиралось,
И много сильных могучих богатырей,
И все на пиру пьяны-веселы;
Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,

Все на пиру сидят-хвастают:
Иный хвастает золотой казной,
Иный хвастает своей силой богатырскою.
Говорит Владимир-князь стольнокиевский:
«Ай же вы, князи-бояры!
Кто бы ехать мог во чисто поле,
Ко тому ко войску нечестивому,
Переписывать силу, пересметывать
И пометочку привезти мне на золот стол?»
Тут больший туляется за среднего,
А средний туляется за меньшего,
А от меньшего и ответу нет.
А вставал удалый добрый молодец
Из-за стола не из большего и не из меньшего,
Из того стола из окольного,
Молодой Михайла Данильевич;
Скидывал с буйной головы пухов колпак,
Поклонился свету князю Владимиру.
Говорил ему таково слово:
«Ай же ты, Владимир-князь стольнокиевский!
Благослови меня ехать во чисто поле
Ко тому ко войску нечестивому,
Переписывать силу, пересметывать
И пометочку привезти тебе на золот стол».
Говорит Владимир-князь стольнокиевский:
«Ты смолода, глуздырь, не попухивай,
А есть сильнее тебя и могутнее».

И говорит Владимир второй након:
«Ай же вы, могучие богатыри и поляницы удалые!
Кто у вас может ехать ко войску нечестивому,
Переписывать силу, пересметывать
И пометочку привезти на золот стол ко мне?»
Тут большой туляется за среднего,
А средний туляется за меньшего,
А от меньшего и ответу нет.
Выставал тут удалый добрый молодец,
Молодой Михайла Данильевич,
Говорил он таково слово:
«Благослови меня ехать во чисто поле,
Ко тому ко войску нечестивому,
Переписывать силу, пересметывать
И пометочку привезть к тебе на золот стол».
И благословил его Владимир стольнокиевский
Ко войску нечестивому поехать.
Стал Михайла Данильевич во чисто поле справляться:
Взял из погреба коня батюшкова,
И катал-валял его по три росы вечерних
И по три росы раноутренних,
Кормил коня пшеною белояровой,
И поил изварою медвяною,
И стал крутиться во платице родительско -
Ехать далече во чисто поле;
Надевал он латы родительски, -
Латы ему были тесноваты;

И саблю брал родительску, -
Сабля ему была легковата;
Обседывал коня он и обуздывал,
И садился он на добра коня,
И поехал он во чисто поле,
Не путями он поехал, не воротами,
А поехал он через стену городовую,
И поехал мимо пустыни родителя,
В которой родитель Богу молится,
Получить благословение родителя
Ехать во чисто поле ко войску нечестивому.
И выходил его родитель из пустыни,
Старый Данила Игнатьевич,
И плечом подымал он под тую грудь,
Под тую грудь лошадиную,
И остановил ее с ходу быстрого.
И говорит ему Михайла Данильевич:
«Свет государь мой батюшко!
Благослови меня поехать во чисто поле,
Ко тому ко войску нечестивому,
Переписывать силу, пересметывать
И пометочку привезти ко князю Владимиру».
И говорил ему Данила Игнатьевич:
«Ты послушай, дорого мое чадо любимое!
Ты послушай наказаньице родителя:
Будешь как у войска нечестивого,
Не давай своему сердцу воли вольныя,

Не заезжай в середку, в матицу,
А руби ты силу с одного края».
Тут поехал Михайла Данильевич
Во чисто поле ко войску нечестивому,
И стал рубить он с одного края,
Сек-рубил силу три дни и три ночи,
Хлеба-соли не едаючи,
Ключевой воды не пиваючи
И себе отдыху не даваючи.
Воспроговорит его добрый конь:
«Мой ты, хозяин любимый!
Ты отъедь от войска нечестивого,
Затекли мои очи ясные
Поганою кровью татарскою,
И не могу носить тебя, богатыря,
По тому ли по войску нечестивому».
И отъехал Михайла Данильевич
От того ли войска нечестивого под Бугру-гору,
И сам он стал есть и пить,
Насыпал коню пшены белояровой,
И накрошил ему калачиков крупивчатых,
И сам он стал опочев держать,
И заспал Михайла Данильевич во крепкий сон,
И спал Михайла Данильевич
Три дня и три ночи.
А той поры его добрый конь Ходил-скакал на Бугру-гору
И глядел-смотрел на войско нечестивое,

Что поганые татарове делали.
А поганые татарове делали:
Копали три рва, три погреба глубоких,
И ставили рогатины звериные,
И поверху затягивали полотнами холщовыми,
И засыпали песками рудо-желтыми.
Тут скочил Михайла со крепкого сна,
И стоит его добрый конь прикручинившись:
Уши у него были повешены,
И глаза его были в земь потуплены.
Воспроговорит Михайла Данильевич:
«Ох ты, волчья сыть, травяной мешок!
Ты чего стоишь прикручинившись,
Пшеница у тебя не зобана
И калачики у тебя не едены?»
Говорит ему его добрый конь.
«Молодой Михайла Данильевич!
Недосуг мне было ни есть, ни пить,
Я ходил-скакал на Бугру-гору
И смотрел на войско нечестивое,
Что поганые татарове делали:
Копали они три рва, три погреба глубоких,
Ставили рогатины звериные,
И затягивали полотнами холщовыми,
И засыпали песками рудо-желтыми,
А ловить станут удалых добрых молодцев
И сильных могучих богатырей».

Тут у Михайлы сердце разгорелось,
Он оседлывал добра коня и обуздывал,
И вскочил Михайла на добра коня,
И подъехал под войско нечестивое,
И начал он рубить с одного края,
Сам он бьет коня шелковой плетью,
Шелковой плетью по тучным бедрам.
Воспровещится ему его добрый конь:
«Ай ты, молодой Михайла Данильевич!
Ты не бей меня, добра коня, по тучным бедрам,
А и дай волю мне углядывать,
Куда надобно ускакивать».
А той порой Михайла не послушался,
А добрый конь его заупрямился,
Захватил узду его тесмянную,
И понес Михайлу неволею,
И занес его в середку, силу-матицу;
Первый подкоп он перескочил,
И другой подкоп он перескочил,
А на третий подкоп конь обрушился;
По Божьей по милости
И по Михайлиной по участи,
И падал конь меж рогатины.
А тут поганных татаровей,
Будто черного ворона, слеталось,
И сметали багры они польские,
И поднимали добра молодца из погреба глубокого.

А той поры его добрый конь
Скочил из погреба глубокого,
И пронесся он на Бугру-гору,
И глядел-смотрел он с Бугры-горы,
Что татарове с хозяином его делали.

А поганые татарове делали:
Связали Михайле ручки белые во путыни шелковые,
И сковали ему ножки резвые во железа булатные,
И проводили ко королю неверному.

А неверный царище поганое говорит таково слово:

«Ай же ты, молодой Михайла Данильевич!

Послужи-ко мне верой-правдою,
Как служил ты князю Владимиру:
Награжу тебя золотой казной несчетною». -

«Ай же, царище поганое!

Как была бы у меня сабля вострая,
Так служил бы я на твоей шее татарской
Со своей саблей вострою».

Вскричал тут царище поганое
Своим слугам верным и палачам немилосливым:

«Сведите вы ко плахе ко липовой,
Отрубите вы голову молодецкую».

Тут взяли Михайлу слуги верные
И повели ко плахе ко липовой.

Тут-то Михайла расплакался
И вздохнул ко Господу Всевышнему:
«Выдал меня, Господи, поганым на поруганье:

Ведь то-то не стоял за веру христианскую,
За церкви Божьи и за вдов и сирот!»
С небес тут Михайле глас гласит:
«Порастяни, Михайла, ручки белые
И порасправь, Михайла, ножки резвые!»
Как расправил Михайла ручки белые,
Поразлопали путыни шелковые,
Порастянул Михайла ножки резвые,
Поразлопали железа булатные.
И хватил Михайла татарина за резвы ноги
И начал татарин помахивать;
Куда махнет Михайла, туда улками,
А назад перемахнет, переулками,
Сам он говорит таково слово:
«Гнется татарин – не сломится,
На жилы, собака, подавается».
И увидал его добрый конь с Бугры-горы,
Прибежал к хозяину любимому;
Вскочил хозяин на добра коня,
Молодой Михайла Данильевич,
И стал сечь силу с одного края;
Сек-рубил силу три дня и три ночи,
Три ночи с половиною,
Переписал всю силу несметную
И повез пометочку на золот стол Владимиру.
Он ехал далече во чисто поле,
Глядел-смотрел во все стороны,

Увидел далече во чистом поле:
Не черный ворон вперед летит,
Не белый кречет вон выпурхивает,
Идет-ступает старый Данила Игнатьевич:
Платье у него черна бархату,
Шляпа у него земли греческой,
И клюка у него сорока пудов,
Той клюкой идет-подпирается;
И под тую грудь лошадиную плечом подпал, -
И на ходу коня он плечом удержал,
Сам говорит таково слово:
«Что же ты, мой любезный сын,
Долго ко мне не являешься?
Я состарился, тебе дожидаячись,
Я пошел уже искать тебя,
Я думал, что доканали татарове неверные,
Я хотел обкровавить свои платица,
Старческие платица, пустынные,
И хотел пройти всю землю из края в край,
Хотел вырубить поганых до единого,
Не оставить больше поганых на семена».
Тут приехал Михайла Данильевич
Ко ласкову князю ко Владимиру
И привез пометочку на золотой стол.
Тут Владимир-князь стольнокиевский
Пожаловал его золотой казной,
Золотой казной пожаловал несчетною.

Михайло Данилович